***

Я сбудусь, не сейчас,
так послезавтра,
И вечности всеядной присягну,
Чтобы коровьим языком
слизала,
Чему сбываться поздно по всему.

А вы — давайте, самолюбье
тешьте,
Что странами играли, как йо-йо,
И мальчика в охотничьей
одежде
Гоняли в узел скручивать её.

Я форму сжёг за домом
в назиданье
Потомку, что из игр
не вызволим,
Пусть не ему в загаженном
зиндане
Ночами видеть, как бежит
к своим.

Я, спрятав от него свой рабский
жребий,
Ему иное небо распахну,

И если сбудусь, то без
размножений
Прыжков йо-йо, похожих
на страну.

***

Я был бы крайне изумлён,
Едва за гробом
Узрел бы полчища знамён
С вождём суровым.
Поди размысли с озорством,
Уйти, остаться ль,
Когда в тебя уставлен ствол
Манифестаций.

Отбита память, коротка
В голосованьях,
В какую даль его рука
Тогда звала их,
Неси ж, благая пустота,
Души обломок
И физкультурные стада
Венков лавровых,

Зияй, Интернационал,
Во славу Князя,
Во имя звёзд, что целовал,
Которым клялся,
Что символов не раздразню
И в поруганье
Всю жизнь истрачу на грызню
С его врагами.

***

Счастлив я до всхлипа:
Спало обостренье.
Отцветает липа,
Отцвела б скорее.
Бросив, как аллергик,
Дурость икебанью,
В липовых аллеях
Насмерть погибаю.

Слышу только клики
Да капель в сосудах —
До отёка Квинке
Мне ещё с полсуток.

В качестве залога
Пишет кожник в святцы:
Пухнет носоглотка
И глаза слезятся.

Слышу вроде стона
В голосе ехидном:
Выходить из дома
Только с тавегилом.

Долго ль до убытка,
Коль крива улыбка?
Липовая пытка
Содранного лыка.

***

Нечасто… когда свалю
С работы, и в толкотне
Смотрю я на жизнь свою,
И хочется плакать мне,

Как будто стоит вверх дном
Судьба, что почти седа,
И сам я похож на дом,
Покинутый навсегда,

И в сорванные врата
Двора, что туманом смыт,
Врывается ерунда —
И жалость к себе, и стыд

За юношеский мачизм
И брошенные со зла
Намёки на ложь отчизн
И веру, что не спасла,

И горестную юдоль,
Что пошлостью извели,
Чреватую лишь едой
На комьях сырой земли.

***

Небесные воры, что тише травы,
Зачем ваши молнии так шаровы,
Чумазы, как лезвия сельских
лопат,
Сдающих бесхозные почвы
в ломбард,
С чего, закрома набивая зерном,
Звериный и вечный поёте
синдром?

Просыпалось просо, глядит
из-за шва,
Дожди одолели, и рожь
не взошла,
Осота на вдох, шелухи
на заглот,
Какое мне дело до древних
забот?
Не зря на мне череп мозолью
нарос,
И всё, что умею, отчасти невроз.

Курчавясь ветвями элитных
секвой,
То жатвой больны вы,
а то посевной,
И времени ход среди бед и отваг
Заметит из тысяч один лотофаг
И, сам на себя надевая хомут,
Расскажет, быть может,
как небо крадут.

...Я знаю, я чувствую это
спиной —
Ни в хляби небесной,
ни в тверди земной
Не сыщется тот, кто, косматый,
как чёрт,
Когда-нибудь чашу терпенья
качнёт,
И сгинет оно, словно папский
эдикт,
И капля его до меня долетит.

***

В субботу, не уехав никуда,
Гудя от ветра, как трубы
обрезок,
Подумаешь — какая мелкота
Весь этот вой о кукольных
арестах,

Вся эта чушь о чьих-то там
правах,
Свободе, чести, совести
и долге,
Когда сам воздух нищетой
пропах,
И мы — рабы, и рубища
нам тонки.

Ни до чего — поверишь ли? —
совсем
Ни до чего, когда буянят сосны,
И смерть грозит отказом всех
систем,
И схемы жизни серы и несносны.

Но если б я восстал от мук
своих,
Во мне б родилось, ощетинив
колья,
Задорное, как древний массовик,
Желанье жить, нечастое такое.

***

Как фото с годами блекнет —
Потрескавшиеся губы
Кривятся в ответ на лепет,
Что времени ни секунды.
Полно. И в одно касанье
Ответят зудящей прорве
Над выцветшими глазами
Такие же точно брови.

И линия подбородка
Прочерчена тем упрямей,
Чем ведшие от порога
Ущелья, барханы, ягель,
И взгляд объектива вогнут
От выдержки ли, со спуска ль:
Измятый комбеза ворот
Главенствует над разгрузкой…

И хватит пустых обрывков,
Деталей неизъяснимых.
Над гибельным сном
подпрыгнув,
Сгорает безвестный снимок,
Была его смерть негромка,
И мало чего он петрил.
Обугливается кромка,
Развеивается пепел.

Куда с пришивным шевроном
Собрался ты, далеко ли?
Обходится как с животным
Командование лихое,
Но, жизнь ему продлевая,
Тех линий не оголила
Ни молодость боевая,
Ни пуля её калибра.

***

Готов прижмуриться навек
Я был при новой смене вех,
Едва, несносный, как жандарм,
Вставал вопрос:
а что же — там?

Да ничего, мой милый друг!
Ты и небитый стоишь двух,
И иноков кладёшь плашмя,
И перекраиваешь мя,

Но, конопат среди рябых,
Я здесь рождён, я здесь привык
И, как ты ни уложишь дёрн,
В одном лишь твёрдо убеждён:

Там так же улицы метут
Какой-нибудь Саид, Махмуд,
А Арон или Исаак
Ведут выгуливать собак,

И те, взволнованно скуля,
Глядят, как плавится заря,
И мир вращается сквозь них,
Не сознавая, что возник.

***

О, как давно я так с фигни
Душой не пел. Фонтаны
вздыблю,
Отъезды летние свои

Припоминая, как святыню —
Такси бордовый дермантин,
Песочных «сталинок» величье
И прочий вид, что тяготил
Стремлением казаться хлипче.

Вокзал, носильщики, толпа,
Вагон, где шарканье и кашель,
И даль, бездумно голуба,
Горюет будто над пропажей.
Рассаживание в купе
Опекой проводниц суровых,
Задворки номерных КБ,
«Спартак-Динамо» на заборах.

Яйцо проносишь мимо рта,
Как эллин, клянчащий с троянца,
И вот одни лишь провода
Над перелесками струятся.
И, в оправдание докук,
Чтоб не нажить на полке
пролежь,
То лесополосы, то вдруг —
Такой простор... не хочешь,
вздрогнешь.

И только внидешь в окоём,
Раздолье местным насекомым,
Как ночь прищурится огнём,
Стрекочущим и поселковым.
Вот почему, заслышав зов
Один меж многими другими,
Гудкам вечерних поездов
Я счастлив, словно литургии.